

A large, expressive red brushstroke graphic that starts at the top, loops around the word 'НАВ', crosses horizontally across the word 'РЕДИ', and ends at the bottom. The background is a light, textured surface with some faint, warm-toned light spots.

НЕ НАВ РЕДИ ЕМУ

ДЖЕК ДЖОРДАН

перевод Юлии Милоградской

18+

триллер

МИО

*Сандра Джеррад,
я бесконечно вдохновляюсь матерями, готовыми на все ради
детей, как ты была готова ради меня. Эту книгу
невозможно было бы представить без тебя*

Прежде всего не навредить.

Гиппократ

Прежде всего, не навреди.

Клятва Гиппократа, наши дни

Врачи сталкиваются с психическими заболеваниями...

Поэтому не слишком удивительно, что некоторые черты психически нездоровых людей присутствуют у тех, кто поднялся на вершину нашей профессии.

*Дж. Пегрум и О. Пирс, Королевский колледж хирургов,
август 2015*

Часть первая

1

Анна

Четверг, 4 апреля 2019 года, 16:32

У меня на шее кровь.

Крошечная точка, не больше веснушки. Совсем незаметная на фоне более важных вещей. Передо мной человек, плоть рассечена, видны кости: черные, в запекшихся пятнах легкие разошлись в стороны, обнажив сердце. Кровавое месиво, а я только и думаю, что об этой крошечной точке.

Перекладываю лезвие из левой руки в правую и вращаю кистью, пока не слышу приятный хруст под кожей. Здесь так тихо, что от холодной плитки на стенах отражается слабое эхо этого звука.

Все присутствующие наблюдают за мной, оценивая твердость моей руки, блеск скальпеля под ярким светом люминесцентных ламп. Кровь окрасила кончик лезвия в розовый. Несмотря на давление, ладони у меня сухие, а скальпель твердо лежит в руке. Но внутри, под слоем форменной одежды, сердце у меня колотится так, что я едва ли не пробую его на вкус.

Но сердце Питера холодное как лед.

Коронарное шунтирование мистера Даунинга шло как по маслу, а потом что-то случилось. Я открыла грудную клетку скальпелем, потом пилой, с помощью шунтов, изготовленных из бедренных вен, шунтировала закупоренные артерии, чтобы кровь начала поступать к мышце сердца. С аорты снят зажим, кровообращение восстановлено, удален холодный раствор калия, который использовали для прекращения сокращений сердца во время операции, и теперь оно должно ожить.

Я смотрю вниз, в его рассеченную грудную клетку, и жду спазма, судороги, первого удара, который станет признаком жизни.

Ничего не происходит.

— Отодвиньте легкие, пожалуйста.

— Отодвиньте легкие, — повторяет доктор Бёрке.

— Верните на аппарат.

— Возвращаем на аппарат, — откликается Карин со стойки перфузиолога.

Я передаю скальпель помощнице и жду в оглушающей тишине. Когда сердце снова подключено к аппарату искусственного кровообращения, я чувствую, что напряжение утекает из комнаты, как жаркий, затянувшийся вздох.

— Дадим ему время, — говорю я, пережимая аорту, — оно, бедное, наверное, совсем вымоталось.

— Как и все мы, — острит доктор Бёрке, ободряюще подмигивая мне поверх очков.

Он так проявляет заботу, но мы оба знаем, что помочь мне не может никто. Каждая операция — коллективная работа, вплоть до этого момента. Доктор Бёрке занимается препаратами, дыхательной трубкой, следит за показателями; Карин сидит на аппарате искусственного кровообращения; хирург на другом конце подготавливает бедренные вены для трансплантации; у каждого специалиста есть помощники. Возле меня стоит Марго, подает инструменты

и тампоны. Но когда дело касается сердца, ответственность только на мне.

По спине у меня пробегает волна жара, между лопатками покалывает.

Сосредоточься.

Я осматриваю грудную полость. Операцию технически сделали хорошо, чисто, шунты пришили надежно. Мы даем сердцу возможность восстановиться, вливаем целый «коктейль» препаратов, чтобы симулировать электрическую активность, ищем метаболические нарушения или что-то, что могли пропустить. Я проверяю, перепроверяю и довожу до совершенства проделанную работу, надеясь, что совершила какую-то ошибку, которую смогу исправить. Ничего не помогает.

Бросаю взгляд на часы на стене. Стремительно приближается конец четырех часов, в течение которых сердце можно держать на аппарате без повреждений. Каждую следующую секунду можно считать очередным гвоздем, забитым в гроб пациента.

Губу у меня покалывает от стекающего пота. Приходится сдерживать желание вытереть ее, повторяя про себя совет моего наставника.

«Никогда не показывай, что нервничаешь. Если ты запаникуешь, запаникуют они. Нельзя привести корабль в гавань, если вся команда попрыгала за борт».

Я сжимаю сердце в руке, сжимаю и разжимаю в том ритме, в котором оно так долго билось раньше, и осторожно кладу его в грудную клетку. Плоть стала ярко-розовой и странным образом выглядит симпатично, как щека, порозовевшая на морозе.

— Попробуем в последний раз, — говорю я и слышу, как струится между слов их настоящий смысл.

Я медленно протягиваю руку, стараясь продлить жизнь пациента как можно дольше, и снимаю зажим с аорты. В сердце струится река крови.

Но ничего не происходит.

Я несколько раз сжимаю сердце рукой, но даже без рас-
твора калия оно кажется странным, холодным; влажным
и скользким, как свиная морда.

Давай, Питер.

Плечи у меня напрягаются, я склоняюсь над столом
и со всей доступной мне силой пытаюсь вручную запустить
сердце. Лицо у меня покрывается потом; Марго молча по-
является рядом и промокает каждую каплю.

Я не знаю, сколько времени прошло — минута, десять
минут, но, когда я поднимаю глаза от грудной клетки, тя-
жело дыша в маске и с блестящим от пота лицом, понимаю,
что вся команда смотрит на меня и в их глазах читается
жалость. И тогда до меня доходит.

Это сердце больше никогда не будет биться.

Стресс пульсирует и отдается болью в глазах, мышцы
плеч свело спазмом. Я смотрю на свои руки. Они дрожат,
болят оттого, как сильно я сжимала сердце, и я делаю кро-
шечный вдох.

— Отключайте аппарат.

Карин кивает и отводит взгляд. Сегодня умрет человек,
и мы будем руководить этим процессом. Я отдам приказ.
Она щелкнет переключателем.

— Аппарат отключен, — сообщает она.

— Легкие, пожалуйста.

— Легкие, — повторяет доктор Бёрке.

А потом мы ждем.

Аппарат искусственного кровообращения отключается.
Кровь уходит из трубок и возвращается в кровеносную си-
стему пациента. А потом происходит неизбежное: монитор
показывает прямую линию замершего сердца. Этот звук
отдается в каждом из нас, визгливым эхом ударяется о сте-
ны операционной, отражается от каждого аппарата и каж-
дого стального инструмента.

Я смотрю на часы на стене.

— Время смерти 16:53.